После нас останутся ПТИЦЫ

ии
Алексей Тихий

Алексей Тихий

После нас останутся птицы

https://litres.ru/74801399
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если родной деревни больше нет даже на карте, а семья всё ещё не может её отпустить?

Марина ищет Верхние Поля и находит пустое место между лесом и рекой. Деревня исчезает постепенно: пустеют окна, закрывается школа, редеют письма, родные разъезжаются и замолкают. Возвращение в дедовский дом заставляет семью отличить любовь от унаследованного долга, говорить о страхе и усталости, заботиться друг о друге, не теряя собственных границ.

«После нас останутся птицы» — семейная сага о памяти, потере и праве выбрать свой путь. Не всё можно спасти, но можно отпустить прежний дом, не отрекаясь от него, и сохранить истории, которые связывают поколения.

Для тех, кто переживает перемены, заботится о близких или ищет, что передать дальше. Пронзительная история о связи, которая может пережить исчезновение привычного мира.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Деревня, которой ещё не было на карте 5
Дом, построенный дедом 14
Первые пустые окна 25
Семья, разделённая дорогой 35
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Алексей Тихий

После нас останутся птицы

После нас останутся птицы

Алексей Тихий

Деревня, которой ещё не было на карте

Марина ввела в поисковую строку название деревни и нажала на лупу.

«Верхние Поля».

Телефон подумал секунду, словно прислушался, и вывел сообщение: «Ничего не найдено». На карте раскрылась бледная складка земли между лесом и рекой. Ни названия, ни точки, ни даже тонкой дорожки, которая в детстве казалась ей широкой и долгой, как путешествие.

Марина увеличила масштаб. Под пальцами разъехались поля, лесные просеки, серые линии районных дорог. Там, где должна была быть деревня, остался пустой просвет. Она переключилась на спутниковый снимок. На экране проступили тёмные квадраты бывших огородов и несколько светлых пятен крыш. Или камней. Или погрешность съёмки.

— Не может быть, — сказала она.

В пустой квартире материн голос не ответил. Раисы не стало весной, а вещи всё ещё хранили привычку к её присутствию: чашка с выцветшими ромашками стояла у мойки, на подоконнике темнела земля в цветочном горшке, на дверце буфета висел календарь за прошлый год. Марина обещала Илье закончить разбор до конца месяца. Но коробки, кото-

рые мать подписала аккуратными печатными буквами, то и дело задерживали её дольше, чем следовало.

На табурете лежала раскрытая коробка с надписью «Бумаги». Марина уже трижды собиралась закрыть её и всякий раз находила внутри что-то, что не позволило.

Сверху лежали квитанции за электричество. Под ними — конверт с пожелтевшими марками, связка фотографий, а в самом низу атлас, туго перетянутый бечёвкой. Бечёвка лопнула, когда Марина потянула за узел. Атлас раскрылся на карте области, словно ждал именно этого движения.

Бумага пахла пылью и сухим деревом. У края листа, возле переплётной полосы, отец написал синим карандашом: «Верхние Поля. От шоссе семь километров». Стрелка упиралась в рамку карты. Чуть дальше дед Степан обвёл крошечный кружок и вывел своим широким почерком: «Наше место».

Марина положила телефон рядом.

На экране не было ничего.

На бумаге было место.

Она провела подушечкой пальца по дедовой надписи. Грифель размазался совсем немного, но оставил серую тень на коже. Отецова стрелка была тонкой и резкой, словно сделанной вчера. Два почерка, две попытки удержать деревню на краю карты.

В детстве Марина сидела на заднем сиденье автобуса, прижимая к коленям материну сумку. Раиса разворачивала

атлас на ходу и придерживала лист ладонью, чтобы тот не складывался от тряски.

— Ещё немного, — говорила она. — Увидишь поле, потом будет мост.

Марина смотрела в окно и ждала, когда пейзаж назовёт себя.

Тогда всё называлось. Остановка, речка, магазин, улица, на которой жили дядя Паша и тётя Нина. Даже лес за огородами, в котором можно было заблудиться, имел своё имя. Марина помнила не все слова, но помнила, как мать произносила их без колебания, словно каждому месту полагалось быть названным.

Она открыла на ноутбуке старые карты. Первую нашла в архиве районной библиотеки: скан атласа за тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Верхние Поля там значились мелким шрифтом, почти на сгибе. На карте начала двухтысячных деревня ещё оставалась, но уже без обозначения автобусной остановки. В путеводителе за две тысячи десятый года название не попалось. На новой карте не было даже намёка.

Марина положила листы один на другой, совместила реку и изгиб дороги. Со временем линии становились всё реже. Сначала пропала остановка. Потом дорога перестала доходить до деревни. Затем исчезло само название. Не вычеркнутое, не зачёркнутое — просто однажды не напечатанное.

Она набрала брату.

Илья ответил не сразу. В трубке шумела вода.

— Ты нашла что-нибудь? — спросил он.

— Нашла старый атлас. Дед отметил деревню. Папа написал, как ехать.

— Вот видишь. Значит, бумаги не зря хранили.

— Илья, на новых картах её нет.

— Я знаю.

— А на спутниковой что-то видно. Может быть, дома.

— Может быть, крыши. Ты же понимаешь, что это не одно и то же.

Марина подвинула телефон к карте, будто брат мог увидеть её жест.

— Ты там был после того, как мы ездили с мамой?

— Один раз. С отцом. Мне было лет пятнадцать.

— Дорога ещё была?

— Дорога была. Только автобус уже не ходил. Мы шли от шоссе. Отец ругался на колеи, я хотел есть. Ничего героического.

— Ты помнишь, кто там жил?

Илья помолчал.

— Дядя Паша. Кажется, ещё семья в доме за ручьём. Но мне запомнилось, что у нас прокололась шина. И отец заставил меня подержать фонарь.

— А мама говорила, что там оставались люди.

— Может, и оставались. Марин, ты собираешься ехать?

Она не ответила. Илья услышал молчание и вздохнул.

— Там, скорее всего, никого нет.

— Я не спрашиваю, есть ли там кто-нибудь.

— А что ты спрашиваешь?

Марина посмотрела на дедову надпись.

— Пока не знаю.

Илья сказал, что вечером заедет за коробками, и попрощался. Вода в его трубке шумела ещё секунду после окончания разговора.

Марина вернулась к документам. Квитанции были сложены по годам и перехвачены резинкой. На одной стоял адрес: «Верхние Поля, улица Заречная, дом восемь». На другой — фамилия деда и печать сельсовета. Она разложила их в ряд. Годы шли с пропусками, суммы менялись, печати бледнели. В одной квитанции адрес был напечатан на машинке, в последней — вписан от руки.

В конверте нашлась короткая записка из районного узла связи. С первого октября почтовую доставку в Верхние Поля прекращали: постоянных получателей не осталось. На обратной стороне Раиса написала: «Посылку Степану передать через Федотову». Ниже стояла фамилия, которую Марина помнила с детства. Тётя Нина.

В другом конверте лежало письмо отцу. Почерк матери, крупный и чуть наклонённый:

«Мост ещё стоит, но у поворота размывает дорогу. В школе теперь два ребёнка. Степан говорит, что пока есть кому топить печь, школа будет».

Марина перечитала строку. Письмо было датировано октябрём. Год она не сразу разобрала: тысяча девятьсот девяносто восьмой.

Из папки выскользнул сложенный вчетверо лист. На нём значилось: «Список жителей Верхних Полей». Дальше шли номера домов и имена. В нескольких строках фамилии были перечёркнуты карандашом. Возле одних стояло: «переехали к сыну», возле других: «дом пустует», а у фамилии Федотовых — «зимой приезжают». Внизу, неровно и крупно, дед приписал: «Не забыть спросить, кто забрал ключ от клуба».

Марина провела взглядом по списку. Одиннадцать домов. Двадцать четыре имени. На полях рядом с некоторыми именами были крошечные отметки, как будто дед не просто записывал жителей, а проверял, кто ещё откликается на собственное имя.

Ей вдруг стало ясно, что деревню никто не стирал одним движением. Не пришёл человек с большой ластиковой резинкой, не провёл черту по карте. Сначала перестали возить письма. Потом закрылась школа, потому что двух детей оказалось слишком мало для учителя и печи. Потом в справочнике не осталось постоянных жителей. Каждая отдельная бумага сообщала о маленькой перемене, вполне разумной, почти неизбежной. А однажды перемен набралось столько, что место перестало помещаться в обычные слова.

Место исчезло из учёта раньше, чем из земли.

Раиса стояла на крыльце и вытряхивала из рукава сухие

травинки. Марина помнила тёмный проём за матерью и узкий луч света на полу.

— Здесь раньше школьный звонок слышно было до ручья, — сказала мать.

— А сейчас?

— Сейчас тишина дальше слышна.

Марина закрыла глаза. Память предложила ей не целое лето, не последовательность дней, а короткие, упрямые вещи: липкий сок на пальцах, железную ручку калитки, материн платок на спинке стула. И птиц, которые поднимались над крышами чёрной россыпью, когда они выходили за огород. Марина тогда думала, что они летят в соседнее село. Мать сказала: «Куда им надо, туда и летят».

Телефон снова загорелся сообщением. Илья прислал фотографию старой папки, которую нашёл в багажнике своей машины. На снимке был официальный ответ районной администрации: сведения о населённом пункте не включены в новый перечень ввиду отсутствия постоянно проживающего населения. Ни даты на первой странице, ни подписи Марина разобрать не успела; фотография была смазана.

«Тебе это надо?» — написал Илья.

Она ответила: «Да».

Через минуту пришло ещё одно сообщение: «Только не жди, что там будет как раньше».

Марина набрала: «Не жду».

На этот раз слова показались ей правдой. Она не ждала

прежней улицы, людей на крыльцах, открытого магазина и маминого голоса, который безошибочно показывал дорогу. Не ждала даже, что узнает всё, что хотела. Она просто хотела увидеть, что осталось за чертой, которую нанесли не на земле, а на бумагах.

Она расправила старый атлас и поставила телефон рядом с ним. Дедов кружок приходился на середину пустого пятна на экране. Отецова стрелка у края листа указывала дальше — туда, куда карта уже не умела вести. Марина долго смотрела на два изображения. На бумаге линия дороги была тонкой, но непрерывной. На телефоне её не было вовсе.

За окном прошла стая птиц. Она двигалась над крышами быстро и ровно, не меняя направления. Марина проследила за ней до серого края неба, потом вернулась к картам.

— Верхние Поля, — произнесла она вслух.

В квартире отозвался холодильник, щёлкнув мотором. Больше ничего не изменилось. И всё-таки название перестало быть только надписью деда, чужой строкой в старом атласе. Теперь его произнесла она.

Марина открыла расписание поездов. До ближайшей станции, Малых Ключей, поезд шёл утром в субботу. Оттуда до Верхних Полей оставалось несколько десятков километров, а автобусное расписание на районной странице было старым и не обещало ничего. Она проверила даты, посмотрела прогноз погоды и набрала номер местной службы такси, но звонить не стала. Сначала билет.

На экране появился вопрос, уверена ли она в выборе. Марина посмотрела на перечень жителей. Двадцать четыре имени, одиннадцать домов. Возле фамилии Федотовых — карандашная пометка, уже почти стёртая. Она не знала, кто встретит её там, если вообще встретит кто-нибудь. Не знала, можно ли будет пройти по дороге или придётся оставить машину у шоссе. Не знала, есть ли у старой деревни хоть один дом с целой крышей.

Она знала только, что больше не хочет считать её пустым пятном.

Марина нажала «Купить». Билет до Малых Ключей появился на экране. Потом она записала в блокнот: «Позвонить в такси. Найти дорогу от станции. Взять атлас».

Никакого обещания спасти деревню она себе не дала. Не сказала, что восстановит дома, соберёт жителей или вернёт Верхние Поля на новые карты. Она решила лишь доехать туда и посмотреть своими глазами. Иногда этого достаточно, чтобы начало появилось там, где все уже поставили точку.

Атлас она не убрала в коробку. Оставила раскрытым на столе, рядом с телефоном. На бумаге дедов почерк удерживал деревню у самого края листа. Экран напротив продолжал показывать пустоту.

Теперь Марина знала, что ей предстоит искать не только дорогу. В коробке под бумагами лежал ещё один ключ — тяжёлый, железный, с биркой, на которой отец написал одно слово: «Дом». Дедов дом ждал её следующей главой.

Дом, построенный дедом

Ключ вошёл в замок не сразу.

Марина приподняла дверь, как будто та была не дверью, а тяжёлой крышкой, и повернула железо. Замок щёлкнул. Внутри что-то отозвалось коротким глухим звуком — дом будто кашлянул после долгого молчания.

Она толкнула створку плечом.

В сенях пахло мокрой древесиной, холодной золой и мышами. Сквозь щель под крышей пробивался дневной свет. На крючке у двери висел выцветший брезентовый плащ, который дед носил, когда чинил крышу. Марина провела пальцами по рукаву и сразу отдёрнула руку: ткань была шершавой, но всё ещё держала форму.

На бирке ключа отец написал «Дом». Не «дом деда», не «Верхние Поля», не фамилию. Просто — дом. Тогда, когда Марина достала ключ из коробки, это показалось ей названием места. Теперь слово стало вопросом.

Она закрыла за собой дверь и постояла в темноте, прислушиваясь. В доме не было тишины. Где-то в стене скреблась мышь, под подоконником капала вода, в печной трубе посвистывал ветер. Дом продолжал делать то, что умел: удерживал внутри тепло, звуки и запахи, даже если людей в нём давно не было.

— Ну здравствуй, — сказала Марина.

Голос прозвучал слишком громко. Она поставила сумку на пол.

В кухне всё оказалось на своих местах и всё же не на своих. На столе лежала эмалированная кружка с отколотым краем. Над печью темнел след от копоти. У стены стоял буфет, в котором дед хранил не только тарелки, но и гвозди, пуговицы, старые квитанции и несколько непонятных деталей, которые, по его мнению, когда-нибудь могли пригодиться. В детстве Марина думала, что это и есть порядок: у каждой вещи есть место, даже если никто, кроме деда, не знает какое.

Она прошла по комнатам. В спальне сквозь щель в ставне тянуло холодом. В дальней комнате стояла кровать с металлической спинкой, а на ней — сложенное шерстяное одеяло. На стене остался светлый прямоугольник там, где когда-то висели часы. Марина пыталась вспомнить их тиканье, но в памяти возник только дедов голос: «Не трогай, отстанет пружина».

Дом не разваливался. Это удивляло сильнее, чем любая трещина. Крыша держалась. Окна были целы, кроме одного, затянутого изнутри картоном. Пол скрипел под ногами, но не проседал. Будто дед всё ещё был где-то рядом и только вышел за дровами, а возвращаться собирался непременно.

Марина сняла куртку и повесила у двери. Крючок качнулся, скрипнул и едва не вылетел из стены.

— Даже сейчас, — сказала она.

Крючок держался на одном коротком шурупе. Марина по-

тянула сумку к кухне, нашла в кармане складной нож, но остановилась. Из сеней она увидела дверь в сарай, приоткрытую на ладонь.

В сарае было холоднее, чем в доме. Там пахло железом, землёй и старым маслом. Вдоль стены стояли лопаты, грабли, две пилы, несколько обрезков досок. Под верстаком темнел кожаный пояс с инструментами. Марина узнала его сразу: в детстве дед надевал пояс, когда собирался что-нибудь чинить, и ни разу не позволял ей трогать отвёртки.

Она подняла ручную дрель. На деревянной рукояти темнели вмятины от пальцев, и пальцы у неё сами легли в те же углубления. Сверло заклинило, когда Марина попробовала прокрутить механизм. Она чуть не рассмеялась: даже старый инструмент требовал уверенности, которую она не чувствовала.

На нижней полке лежали рубанок, молоток с почерневшей головкой и короткая стамеска. На рукоятке рубанка дед вырезал инициалы и год: «С. В. 1950». В коробке рядом обнаружилась ржавая рулетка, моток проволоки и тонкий карандаш, заточенный так аккуратно, будто хозяин оставил его утром.

Марина знала, что дед построил дом после войны. Знала это примерно так же, как знала, что в детстве здесь были яблони: семейный факт без подробностей. Теперь на полке перед ней лежали его руки — не сами руки, конечно, а вещи, которые помнили их нажим, привычку не бросать работу на

середине, злость на плохо подогнанную доску.

Она позвонила матери.

Раиса ответила после третьего гудка.

— Ты уже там?

— Да. В сарае нашла дедовы инструменты. На рубанке год — пятьдесят.

Мать помолчала.

— Значит, он им пользовался дольше, чем я думала.

— Ты говорила, он всё сам построил.

— Я говорила, что он многое сделал сам. Не одно и то же.

Марина присела на перевёрнутый ящик.

— Расскажи.

— Что именно?

— Как строил дом.

Раиса вздохнула так, словно Марина спросила не о доме, а о чём-то, что давно лежало у неё на языке и стало тяжёлым.

— Сначала там была землянка, — сказала она. — Не для нас, для него с бабушкой. Участок дали, а строиться было не из чего. Он доставал доски, таскал кирпичи, менял инструмент на то, что было нужно. Иногда приходил домой поздно, весь в глине. Потом начали ставить стены. Я помню, как мама грела воду на печке, а он обжигал руки раствором и делал вид, что ничего не случилось.

— Ты помогала?

— Конечно. Кто же ещё? Мы носили щепу, подавали доски. Твой дед не любил просить. Он просто говорил: «Подер-

жи». А если не успевала, сердился, будто ты сама должна была догадаться, что он имеет в виду.

Марина посмотрела на молоток. Ей вспомнилось, как дед однажды починил сломанную ножку стула, не сказав ни слова, пока она объясняла, что это вышло случайно. Потом он поставил стул на пол и проверил его весом. Ни похвалы, ни упрёка. Только короткое: «Сиди».

— Я думала, он всё делал, чтобы нам было хорошо, — сказала она.

— И для этого тоже. Но не только.

В голосе матери не было обвинения. Скорее, она перебирала старые вещи и одну за другой называла такими, какими они были.

— Он хотел, чтобы мы оставались рядом, — продолжила Раиса. — Когда дом был готов, ему казалось, что теперь у нас есть всё нужное. Куда уезжать? Зачем? А если уезжаешь, значит, бросаешь не только его, но и всю его работу.

— Ты из-за этого уехала?

— Я уехала, потому что хотела жить иначе. И потому что устала приезжать сюда на выходные чинить крышу, полоть огород и выслушивать, что я плохо справляюсь. Оба ответа правдивые.

Марина провела пальцем по деревянной рукояти рубанка.

— Я помню, что здесь было спокойно.

— Для тебя — да. Тебе давали гулять до темноты и приносили молоко в комнату. А я мыла полы после всех.

Марина ничего не ответила.

Она помнила вечерние яблоки, запах печного хлеба, деда, который показывал ей, как строгать тонкую щепку, не порезав ладонь. Не помнила, кто потом подметал стружки. Возможно, именно поэтому её детское «здесь было спокойно» оказалось не ложью, а только половиной правды.

— Я не хочу спорить с твоей памятью, — сказала мать. — Просто не делай из него святого.

— Не буду.

— И из дома тоже.

— Постараюсь.

После звонка Марина ещё немного посидела в сарае. Дед не был святым, но и его молчание не отменяло того, что он сделал. Эти две вещи не помещались в одно простое объяснение. Она подняла молоток и отнесла его в дом.

У крючка в сенях нашёлся шуруп в жестяной коробке. Марина вытащила складной нож и попыталась подтянуть расшатанный крепёж. Шуруп не шёл: отверстие разбухло от сырости, дерево крошилось. Она достала из ящика тонкую щепку, вбила её в отверстие и снова повернула шуруп. На этот раз тот вошёл туго.

Марина нажала на крючок. Он выдержал.

Жест получился знакомым. Не ударить сильнее, не ругнуться, а сначала понять, что именно разболталось. Она даже услышала в памяти дедово: «Не насилуй дерево». Вслед за этим прозвучал другой голос — матери, уже взрослый:

«Можно было попросить помочь».

Марина убрала нож в карман. Крючок держался, но в доме всё ещё хватало вещей, которые не исправить одним шурупом.

На следующий день она занялась дверью между сенями и кухней. Старую краску на притолоке можно было снять, чтобы проверить, не сгнила ли древесина. Марина нашла в кладовой скребок и стала осторожно счищать сероватые слои. Краска отходила тонкими завитками. Под ней проступало тёмное дерево, а затем — едва заметная черта.

Она остановилась.

На притолоке были карандашные отметки: короткие горизонтальные линии, даты и имена. Несколько слоёв краски скрывали их почти полностью. Марина продолжила снимать покрытие уже не скребком, а кончиком ножа.

«Рая — 1964».

Ниже — новая черта и год. Ещё ниже — «Рая, 12 лет». Потом, на уровне её плеча, появилась надпись: «М. 1998». Карандашные буквы были неровными, но уверенными. Дедова рука.

Марина помнила, как он ставил её у двери. Он снял с неё шапку, приложил к косяку книгу и сказал не сутулиться. Она фыркнула, он сделал отметку, а потом спросил, не выросла ли она за лето больше, чем яблоня у сарая. В её памяти это было почти игрой.

Она сфотографировала отметки и отправила матери.

Ответ пришёл через несколько минут: «Я думала, ты не помнишь».

«Ты тоже здесь отмечалась?» — написала Марина.

«Конечно. Но он измерял нас не для игры».

Мать позвонила сама.

— Он записывал рост? — спросила Марина.

— Записывал. И следил, чтобы мы не врали про возраст. Но для меня эти отметки были не шуткой. Если я выросла, значит, могла больше таскать. Дрова, воду, ведро с яблоками. Он никогда не говорил: «Ты стала взрослой, я тобой горжусь». Он говорил: «Тебе уже по плечу».

Марина прислонилась лбом к косяку. Дерево было прохладным и гладким там, где его касались тысячи ладоней.

— А я помню, как он меня смешил, — сказала она.

— Это тоже правда, — ответила Раиса. — Он тебя любил. Просто любовь у него часто выглядела как работа.

Мать произнесла это без мягкости и без горечи, словно наконец подобрала слова к предмету, который давно лежал у неё в коробке. Марина посмотрела на надпись «М. 1998». Любовь, труд, требование. Всё поместилось в нескольких сантиметрах дерева, но ни одна из этих вещей не могла объяснить остальные.

— Я тогда была до его плеча? — спросила она.

— До плеча? Ты едва дотягивала до печной заслонки. Я помню, потому что он поставил отметку выше, чем надо, и велел тебе вытянуться. А ты сказала, что вытянулась бы ещё,

если бы он не дышал тебе в ухо.

Марина улыбнулась.

— Этого я не помню.

— А я помню.

К вечеру она очистила небольшой участок притолоки. Все отметки не открылись: часть дерева была повреждена, и Марина не стала скоблить дальше. Она не хотела добывать память силой. Сфотографировала каждую линию, переписала даты в блокнот и оставила на столе карандаш.

Потом прошла по комнатам, проверяя, где подтекает крыша. В дальней комнате подставила таз под капель. В кухне вытерла воду с подоконника и заклеила картон в разбитом оконном проёме плотной плёнкой. Она не называла это восстановлением. Пока что это были несколько простых действий: не дать воде размыть пол, не пустить ветер в комнату, сохранить отметки на двери.

В сумерках Марина поднялась на чердак. Лестница под её весом застонала, но выдержала. Под крышей лежали отрезки досок, старые мешки, разбитая рама от окна. Между стропилами темнела балка с вырезанным на ней годом — 1951. Рядом карандашом было написано что-то ещё.

Марина смахнула пыль рукавом. Слова проступили не сразу:

«ЕСЛИ ПРИДЁТСЯ УЕХАТЬ —»

Дальше запись уходила под прибитую к балке доску. Виднелся только короткий штрих, словно дед начал следую-

щее слово и бросил. Марина посветила телефоном, но разобрать продолжение не смогла. Доска держалась крепко. Чтобы снять её, пришлось бы вытащить старые гвозди, а дерево вокруг уже рассохлось.

Она сфотографировала надпись с нескольких сторон. Не стала ломать доску ради ответа, который мог оказаться простой хозяйственной пометкой. Возможно, дед записал, что перекрыть воду или закрыть ставни, если дом останется без людей. Возможно, не успел закончить. Пока запись была только началом фразы.

Снизу, за окном, крикнули птицы. В доме щёлкнуло остывающее дерево.

Марина спустилась с чердака и остановилась у двери. На очищенной притолоке темнели старые черты. На новом крючке висела её куртка. Дом не стал от этого легче, теплее или справедливее. Он оставался местом, где дед строил, мать уставала, отец однажды написал на бирке одно слово, а она сама училась различать, что именно ей досталось.

Она не собиралась превращать его в святыню. Не обещала себе сохранить каждую доску. Но и позволить дому развалиться только потому, что в нём было слишком много несказанного, пока не могла.

Перед сном Марина записала в блокнот: «Позвонить маме. Спросить про даты на косяке. Проверить крышу над кухней». Ниже добавила: «Надпись на балке — продолжение под доской».

За стеной прошелестел ветер. Где-то на улице хлопнула ставня в соседнем доме. Марина не стала вставать и проверять, чей он был. Она уже знала: утром придётся выйти и посмотреть на него вместе с остальными.

Первые пустые окна

Утром Марина натянула куртку, взяла сумку для хлеба и вышла на улицу.

Ветер шевелил на крыльце газету, которую кто-то прижал камнем к ступеньке. За ночь она отсырела и потемнела. Марина поправила камень и только тогда подняла глаза.

Окна домов смотрели на неё одно за другим. В одних отражалось бледное небо, в других темнели занавески, в третьих за стеклом виднелись пустые комнаты. Она начала считать — сперва окна, потом дома, — но сбилась на повороте, где улица уходила к старому колодцу. Ставней и правда оказалось больше, чем людей, которые могли бы их закрыть.

Ещё недавно утро здесь было громче. У Климовых хлопала калитка, у Бережных заводился трактор, а из дома Лидии Павловны доносилось радио. Теперь слышно было, как ветер задевает водосточную трубу и как где-то за огородом стучит дятел. Марина не стала решать, хорошо это или плохо. Она просто пошла за хлебом.

Сначала пустоту можно было объяснить удобным образом. Люди уехали на работу. Уехали к детям. Уехали на дачу или в город за покупками. У многих окна были закрыты не навсегда, говорила она себе. На зиму. До ремонта. До возвращения.

У дома Климовых эти объяснения не выдержали взгляда.

Окна со стороны улицы были заколочены досками. Не наспех: каждую подогнали по ширине, прибили ровно, шляпки гвоздей блестели свежим металлом. За домом, у крыльца, осталась синяя калитка с облупившейся краской. Марина помнила, как в детстве через неё выбегали трое Климовых — всегда сразу, будто за ними гналась невидимая собака. На косяке их матери были карандашные черточки роста. Младший, Димка, однажды подписал возле своей: «Почти выше всех».

Марина дотронулась до доски. Дерево было холодным и гладким от дождя.

В магазинчике у автобусной остановки пахло дрожжами, сырым картоном и свежим хлебом. Продавщица Зоя ставила буханки в корзину, переворачивая каждую так, чтобы этикетка смотрела к покупателям. В очереди стоял один мужчина, которого Марина не узнала. Он взял батон и вышел, не оглянувшись.

— Климовы совсем уехали? — спросила Марина, когда подошла её очередь.

Зоя не сразу ответила. Положила в пакет две буханки, пересчитала сдачу.

— В конце осени. Мария Петровна с младшим. Старшие давно в городе.

— Из-за чего?

— Из-за фельдшерского пункта, если коротко. Когда его закрыли, ей стало страшно одной оставаться. Давление у неё,

сердце. А дочка не могла каждый день ездить. Забрала к себе.

— Значит, дело в здоровье.

— Дело не в одном здоровье, Марина. — Зоя подтянула рукав свитера. — Пункт закрыли, автобус ходит через раз, а теперь ещё и магазин по понедельникам не работает. Всё по чуть-чуть. Потом в какой-то день понимаешь, что больше не хочешь проверять, что ещё сегодня не работает.

Марина забрала хлеб. Ей хотелось спросить, кто решил закрыть пункт и почему никто не удержал его, но вопрос показался слишком большим для маленького магазина, где за спиной уже никого не было.

Она вышла и пошла дальше, в сторону дома Лидии Павловны.

Там окна не заколачивали. За занавеской сохранился узкий просвет, будто хозяйка на минуту отошла в соседнюю комнату. На крыльце стояло пустое ведро, перевёрнутое дном вверх. Марина помнила, что Лидия Павловна преподавала биологию и сушила на чердаке травы. Когда Марина была маленькой, та показывала ей листья под лупой и объясняла, что у каждого дерева есть свои способы пережить засуху.

В городе жила её дочь. Несколько лет Лидия Павловна ездила к ней зимой, а летом возвращалась. Потом сломала бедро, и врач сказал не торопиться. Дочь приехала, собрала чемодан и увезла мать. В доме оставили книжный шкаф, пото-

му что он не прошёл в дверь новой квартиры. Марина знала это от Тамары. Сам шкаф с улицы не был виден, но в голове возникал ясно: тёмное дерево, стеклянные дверцы, корешки энциклопедии по краям.

У следующего дома калитка держалась на одной петле. Здесь жил Фёдор Гущин, мастер на все руки. Он чинил насосы, затачивал ножи, мог заменить колесо в телеге и придумать, как заставить старый холодильник дотянуть до осени. Когда уезжал к сыну, оставил под навесом верстак. Сын обещал вернуться за ним весной. Третий год верстак стоял на месте, занесённый листьями.

Марина прошла мимо, но через несколько шагов остановилась и обернулась. Доски на верстаке набухли от влаги. На верхней лежал ржавый ключ. Она подумала, что ключ мог остаться от какого-нибудь инструмента, а мог просто выпасть из кармана. В этом и была разница между памятью и догадкой: первая позволяла сказать, что видишь, вторая требовала признаться, чего не знаешь.

Дальше улица начинала спускаться к реке. Огородные заборы стояли, ворота были закрыты, а сорняки за ними уже добрались до колен. У одного забора сохранилась верёвка для белья, натянутая между яблоней и столбом. На ней висела деревянная прищепка. Ветер качал её, и она постукивала о верёвку, как маленький сухой клюв.

Марина вспомнила другую семью, уехавшую два года назад. Молодые родители, двое детей, собака. Глава семьи ра-

ботал на лесопилке, пока её не закрыли. Потом ездил на вахту, потом устроился в областном центре. Сначала он уезжал на неделю, потом семья перебралась к нему. Девочка ходила в один класс с Марининой двоюродной сестрой и любила собирать гладкие камни у речки. Марина не знала, забрала ли она свои камни. Возможно, теперь они лежали в банке на чужом подоконнике. Возможно, были выброшены при переезде.

На обратном пути она уже не пыталась отмахнуться от пустых окон словом «временно». Не потому, что внезапно узнала всё. Просто каждый дом добавлял к картине что-то своё.

Не было одной беды, после которой улица опустела. Сначала перестал ходить вечерний автобус. Потом закрылась лесопилка. В фельдшерском пункте сократили дни приёма, а затем закрыли его совсем. Дети вырастали и уезжали учиться. Родители обещали навещать их летом, потом оставались рядом с внуками. Старикам становилось трудно зимой топить печи и чистить дорожки. Один сбой можно было переждать. Несколько — уже приходилось складывать в одно решение.

У Тамары на крыльце стояла табуретка, а вокруг неё лежали письма, перевязанные бечёвкой. Сама Тамара сидела на ступеньке и сортировала конверты на два ряда: с гербами и без.

— Почтальон оставил? — спросила Марина.

— Это ещё с прошлого месяца. Часть мне, часть соседям. Я всё думала, что зайду отнести. Потом спина разболелась. Потом дождь. Потом конверты стали мешать, но я уже привыкла, что они тут лежат.

— Давай помогу.

Тамара посмотрела на неё, будто проверяя, не предложила ли та из вежливости. Потом поднялась, придерживаясь за перила.

В доме пахло чаем и сухой полынью. На кухонном столе Тамара расчистила место, сдвинув в сторону чашки и коробку с нитками. Марина стала раскладывать письма по фамилиям. Часть адресатов ещё жила в Верхних Полях. Остальные давно перебрались в районный центр, к детям, в квартиры с лифтами и горячей водой. На некоторых конвертах почерк был незнакомый, на других — выцветший, с широкими буквами, которые Марина помнила по школьным тетрадям.

— Вот это Климовым, — сказала Тамара, подавая конверт. — Последнее, кажется. Или предпоследнее.

— Они уехали осенью.

— Мария Петровна собиралась ещё летом. Только всё ждала, что пункт оставят хотя бы три дня в неделю. Ей соседка приносила лекарства, но она боялась, что та устанет. Потом автобус отменили по воскресеньям. Дочка приехала в пятницу, а обратно уже не смогла уехать, пока знакомый не довёз до трассы.

Тамара говорила без упрёка. Её пальцы аккуратно прижи-

мали край конверта, будто бумага могла порваться от лишнего чувства.

— А ты давно тут одна? — спросила Марина.

— После смерти Ильи. Три года. Сын зовёт к себе. Я ездила. Там хорошо, квартира тёплая, магазин рядом. Только из окна чужая парковка. — Тамара поставила чашку на блюдце. — Я не знаю, что хуже: уехать туда, где за тебя всё решили, или остаться тут и каждый день видеть, как людей меньше.

Марина посмотрела на письма. Она хотела сказать, что решение ещё можно принять позже, но услышала в этой фразе знакомый способ отложить ответ, чтобы никого не расстроить. Ей самой предстояло решить, что делать с дедовым домом. Пока она называла это временной работой: проверить крышу, разобраться с документами, позвонить матери. Удобные слова не обязывали ни остаться, ни уехать.

— У меня в блокноте есть место, — сказала она. — Хочу записать, кто когда уехал. Не чтобы считать. Просто чтобы не перепутать и не забыть.

Тамара кивнула.

— Тогда не забудь, что не все уезжали несчастными.

Дома Марина достала тетрадь. На чистой странице провела линейкой четыре колонки и подписала: «Имя», «Дом», «Год отъезда», «Что осталось после».

Первые строки дались легко.

Мария Петровна Климова — дом у поворота — прошлый год. В последней колонке Марина написала: «Черточки роста

на дверном косяке. Синяя калитка».

Лидия Павловна — дом с яблоней — три года назад. «Книжный шкаф, который не прошёл в дверь».

Фёдор Гущин — дом у спуска — два года назад. «Верстак под навесом, ржавый ключ».

Она остановилась над строкой про семью с лесопилки. Год помнила приблизительно, причину тоже, но кто именно из детей собирал камни у реки, не была уверена. Марина поставила вопросительный знак возле года и оставила в последней колонке: «Банка с камнями, если забрали». Тетрадь не обязана была делать догадки фактами. В ней можно было сохранить и незнание.

Постепенно четвёртая колонка стала длиннее остальных. Там появлялись не вещи, которые можно было вынести из комнаты, а следы того, как человек занимал своё место: банка с семенами у окна, табличка на калитке, запах машинного масла возле сарая, берёзовая лавка, на которой дети ждали школьный автобус. В одном доме после отъезда оставили поленницу, выложенную аккуратными рядами. В другом — зашитый кем-то карман на старом пальто, которое висело в коридоре до самой продажи. Тамара вспомнила, что хозяева не стали забирать радио, потому что оно ловило только одну станцию и всё равно плохо.

Всё это не было доказательством того, что люди ошиблись, уехав. Климова рядом с дочерью была в большей безопасности. Лидии Павловне не приходилось зимой самой

расчищать снег у калитки. Семья с лесопилки нашла работу, а дети — новую школу. У каждого отъезда была своя разумная сторона. Но разумность не отменяла потери. Иногда человек спасал себя, оставляя после себя дом, который ещё долго ждал привычных шагов.

К вечеру Марина закрыла тетрадь, потом открыла снова. На последней свободной строке написала: «Марина. Дедов дом». В графе «Год отъезда» не поставила ничего.

Она долго смотрела на пустое место. За окном вечер собирался в углах двора. В соседнем доме загорелось одно окно, потом погасло: Тамара вышла на крыльцо, чтобы закрыть ставни. На улице хлопнула калитка. Неизвестно, чья. Марина не стала угадывать.

Телефон завибрировал на столе. Звонила мать. Марина ответила не сразу, разглядывая незаполненную строку.

— Ты нашла даты на косяке? — спросила мать.

— Нашла. Не все понимаю. Позвоню ещё, когда сфотографирую.

— Приезжай лучше. По телефону всё равно не объяснить.

Мать жила теперь в районном центре, по ту сторону дороги, которая связывала Верхние Поля с остальным миром. Когда-то Марина ездила к ней по субботам на автобусе; теперь расписание менялось так часто, что поездку приходилось планировать заранее. Мать обещала приехать сама, но каждый раз находилась причина: работа, лекарства, ремонт, плохая погода.

— На следующей неделе посмотрю, как ходит автобус, — сказала Марина.

— Не автобусом. Я тебя встречу у трассы.

Они помолчали. В этой паузе не было ссоры, но было расстояние, которое нельзя было измерить километрами: привычка откладывать встречу, пока обстоятельства не станут удобнее.

После разговора Марина вновь посмотрела на тетрадь. В строке с собственным именем пустовало место, где должен был быть год. Она не знала, останется ли здесь до осени или уедет раньше. Не знала, станет ли этот дом её домом или ещё одной записью в чужой памяти.

За окном на проводе сидела птица. Она переждала порыв ветра, спрыгнула с провода и исчезла за крышей. Марина оставила тетрадь раскрытой. Пустая графа не была обещанием остаться. Но впервые она не заполняла её за себя заранее.

Семья, разделённая дорогой

Марина не успела закрыть тетрадь, когда телефон завибрировал на столе. На экране высветилось имя Ильи. Она посмотрела на пустую графу напротив своего имени и ответила.

— Ты уже поняла, когда поедешь к маме? — спросил он вместо приветствия. На его стороне шумел мотор, потом щёлкнул поворотник. — Я пытаюсь состыковать с работой. В субботу вроде получится.

— Вроде — это не дата.

— Знаю. Поэтому и звоню.

Марина придвинула к себе тетрадь. За окном ветер гнул провода, и на них покачивалась маленькая чёрная птица. Дорога за домами была почти пустой. Автобус, который раньше проходил здесь трижды в день, теперь появлялся по вторникам и пятницам, если не ломался.

— Маме в четверг к врачу, — сказала она. — Я думала отвезти её сама.

— А я думал приехать в субботу и отвезти.

— В субботу у неё уже не будет приёма.

— Тогда перенесу смену.

— Ты можешь перенести смену, но приём перенести не можешь.

— Марин, не начинай.

Она провела ногтем по краю тетрадной страницы. Хотела сказать, что не начинала, что просто пытается понять, какой из планов настоящий. Но рядом лежали выписанные ею имена соседей, которые уехали за последние два года, и все их обещания позвонить однажды слились в одно длинное «потом».

— Мне нужно знать, — сказала она. — У мамы заканчиваются таблетки от давления. Я не могу всё время угадывать, приедешь ты или нет.

На линии стало тише. Илья, видимо, выехал с парковки или закрыл окно.

— Я перевёл деньги на лекарства.

— Я видела.

— Тогда в чём проблема?

Марина посмотрела на раскрытую аптечную коробку. В каждом отделении лежали таблетки на несколько дней вперёд, но в четверг пустела последняя ячейка. Она сама разложила их, сама позвонила в аптеку, сама выяснила, что нужный препарат привезут только к концу недели.

— Деньги не могут отвезти её к врачу, — сказала она. — И не могут понять, что она перепутала утреннюю таблетку с вечерней.

— Я знаю, что они не могут. Я не говорил, что деньги всё решают.

— Но ты говоришь о них так, будто этим закрываешь вопрос.

— А ты говоришь о своих делах так, будто я вообще ничего не делаю.

Слова прозвучали резко, но не громче. От этого они ударили точнее.

Марина поднялась и подошла к окну. На другой стороне улицы дом Михайловых стоял с заколоченной верандой. Ещё прошлым летом там сушили простыни, а теперь трава добралась до ступенек. Ей захотелось напомнить Илье, что когда люди уезжают, кто-то должен остаться и заметить, что у дома отвалилась доска, что мать стала забывать, где лежит рецепт, что в магазине больше не держат привычный хлеб. Но он и сам знал про отъезды. Он просто видел их издалека, из окна своей машины.

— Я не говорю, что ты ничего не делаешь, — ответила она.

— Нет, говоришь. Только другими словами.

Марина хотела возразить и вдруг заметила, что стоит, вцепившись пальцами в подоконник. Под ладонью скрипнула старая краска.

— Хорошо, — сказала она. — Скажи, что именно ты делаешь.

Илья коротко выдохнул.

— Я перевёл деньги на таблетки. В марте оплатил ремонт холодильника. Позвонил в поликлинику, когда ты не дозвонилась. В январе приезжал на два дня, хотя у меня был завал на работе.

— Приезжал на два дня, когда я уже договорилась с мастером.

— Потому что ты сообщила мне про холодильник, когда мастер уже был у двери.

— Я сообщила за неделю.

— Ты сказала: «Как-нибудь надо посмотреть». Это не то же самое, что попросить меня приехать.

Она отвернулась от окна. В горле на секунду стало сухо, будто она вдохнула пыль.

— Я не должна каждый раз выдавать тебе список, — сказала она.

— А я не должен догадываться, что именно ты считаешь помощью.

Они замолчали. На кухне тихо щёлкнул остывающий чайник. В этой паузе Марина услышала, как дом живёт без людей: ветер тронул форточку, часы над дверью отсчитали несколько секунд, труба в стене отозвалась глухим стуком.

— Когда папа заболел, ты уехал, — произнесла она.

На другом конце снова зашумел мотор. Илья не ответил сразу.

— Мне было восемнадцать, — сказал он наконец. — Я поступил и уехал. Ты сама говорила, что мне надо ехать.

— Говорила.

— И ты правда хотела, чтобы я остался?

Марина посмотрела на свои руки. На правом указательном пальце белела тонкая полоска от старого пореза, кото-

рый она получила, перебирая вещи в сарае. Она помнила тот год: отцовские лекарства на холодильнике, мокрый снег у крыльца, мать, которая вставала раньше всех, хотя почти не спала. Илья с рюкзаком у двери. Тогда она сказала: «Езжай, здесь мы разберёмся». Сказала так, будто «мы» включало и его, и будто решение можно было отменить.

— Я хотела, чтобы ты получил свою жизнь, — ответила она. — А потом привыкла, что раз ты уехал, всё остальное моё.

— Я тоже привык, — сказал он. — К тому, что если позвоню, ты уже всё решила. И если предлагаю что-то сделать, слышу, что поздно.

— Часто поздно.

— Потому что ты не говоришь вовремя.

Марина провела ладонью по лбу. Она знала эту интонацию: так он оправдывался, когда опаздывал на школьный концерт, а она — как будто с тех пор не выросла — ждала у выхода, считая, сколько минут прошло. Потом она сама же говорила, что ничего страшного. Никто не учился просить вовремя. Они только учились терпеть и подсчитывать.

— Давай не будем сейчас выяснять, кто чаще, — сказала она. — Мне нужна конкретика. Мама не может одна таскать пакеты. Ей надо пополнить лекарства. И в четверг её надо отвезти к врачу.

— В четверг я не успею. Если выеду утром, попаду в пробки, а к двум уже должен быть на работе.

— Я могу отвезти её на приём. Но лекарства тогда придётся забирать позже. Аптека их придержит до субботы, если я попрошу.

— Я заберу в субботу. И привезу.

— Ты точно приедешь?

— Давай я посмотрю сейчас, — сказал Илья. — Не по памяти.

Слышно было, как он перелистывает бумаги или нажимает на экран. Марина села к столу и открыла календарь в телефоне. В их детстве планы записывали на листке у телефона: поездки к врачу, собрания, когда ждать отца с рейса. Листок иногда падал за тумбу, и тогда каждый помнил свою версию договорённости.

— В эту субботу не смогу, — сказал Илья. — У меня дежурство. А следующую могу взять. Восемнадцатого. Приеду к одиннадцати, заберу лекарства, отвезу маму за продуктами. Если ей нужно будет, останусь переночевать.

— Ей нужно, чтобы ты не отменил накануне.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь, как это, когда человек ждёт у окна и не хочет спрашивать, приехал ли ты.

Илья ничего не ответил. Марина пожалела о резкости, но не убрала слова. Если она сгладит их сейчас, они снова растворятся в привычном «всё нормально».

— Я постараюсь не отменять, — сказал он. — Если что-то изменится, скажу заранее. Не буду ждать, пока ты сама

спросишь.

Это было не обещание, которому можно верить без оговорок. Но в нём впервые прозвучал срок.

Марина достала листок, на котором обычно записывала телефонные номера соседей. На чистой стороне провела вертикальную черту.

— Давай запишем, — сказала она. — Не чтобы следить друг за другом. Чтобы мама не оказывалась между нашими предположениями.

— Хорошо. Что записываем?

— Я в понедельник проверяю лекарства и звоню в аптеку. Ты во вторник звонишь маме в семь вечера.

— Могу звонить и в пятницу.

— В пятницу у неё обычно кружок в библиотеке. Если он ещё будет. Давай вторник и пятницу, в семь. Если не отвечает, перезваниваешь через десять минут. Она иногда оставляет телефон в сумке.

— Записал. А ты?

— Я в четверг отвезу её к врачу. Если приём перенесут, сразу сообщу тебе.

— А продукты?

— Напишем список. В субботу восемнадцатого ты забираешь лекарства и продукты, если они тяжёлые.

— «Если тяжёлые» — это какие?

— Всё, что мама не должна тащить из магазина сама.

— Значит, почти всё.

— Вот именно.

В её голосе впервые мелькнула улыбка, но она тут же исчезла. Марина вписала даты в листок. Илья перечислял дни, она повторяла их вслух, чтобы оба слышали одно и то же. Вторник — звонок. Четверг — врач. Пятница — второй звонок. Восемнадцатое — приезд.

— А если случится что-то не по плану? — спросил Илья. — Скорая, поломка, мама упадёт. У нас нет для этого дня.

— Не надо назначать день для неприятностей.

— Я не про день. Давай оставим место.

Марина посмотрела на таблицу. Внизу оставалась пустая строка. До этого она хотела заполнить её уборкой в субботу или проверкой крыши. Теперь задержала ручку над бумагой.

— Пустое место? — спросила она.

— Для того, что заранее не спланируешь. Если понадобится, добавим туда помощь. Не станем делать вид, что мы уже всё учли.

Марина оставила строку незаполненной.

— Ладно. Но пустое место — не значит, что туда всегда записывают меня.

— Согласен.

— И не значит, что ты можешь считать, будто расписание заменяет разговор.

— Я тоже согласен.

Она не знала, насколько хорошо он понял её. Возможно, он услышал только условия. Возможно, именно так и начи-

налась привычка понимать: с одной ясной строки, за которой можно проверить, последует ли следующая.

— Ты когда-нибудь злишься, что уехал? — спросила она.

— Да. Иногда. Но не так, как ты думаешь.

— А как?

— Я злюсь, когда приезжаю и чувствую себя гостем. Будто должен отчитаться, сколько привёз, что починил, сколько раз позвонил. И всё равно это будет меньше, чем ты сделала.

Марина сжала ручку. Ей хотелось сразу сказать, что он сам превратил приезд в проверку. Но она знала: он не совсем ошибался.

— Я злюсь, когда ты приезжаешь и ждёшь, что я буду рада, — сказала она. — Не потому, что не рада. А потому что мне ещё нужно объяснить, где лекарства, как закрывается кран и почему мама не берёт трубку после девяти. Я устала быть справочной службой.

— Я думал, что если не буду мешать, тебе станет легче.

— Иногда мне легче, когда ты мешаешь. Только по делу.

Илья тихо усмехнулся, но смех оборвался.

— Я не хочу потерять с вами связь, — сказал он. — Не только маму. Тебя тоже. Просто каждый раз, когда говорим про дом, я слышу, что должен был остаться.

За окном птица слетела с провода и скользнула над крышами в сторону пустого поля. Марина посмотрела на тетрадь с именами. Некоторые уже не отвечали на звонки; другие звонили редко, будто хотели убедиться, что их прежний

адрес ещё существует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.